

к сюжету, который ни в одном из своих вариантов не приобретал религиозно-поучительной окраски, эти два фрагмента выглядят посторонними и в контексте всего сборника, где персонажи, особенно в «повестях» авантюрно-плутовского жанра, совершают множество неблагоприятных поступков, но все по собственной воле, без наущения или подстрекательства дьявола. Поэтому сомнительно (хотя не невозможно), чтобы эти фразы принадлежали самому Новикову и выражали его собственное понимание того, как произошел резкий переворот в душе и что толкнуло на преступление бывшего «министра, превосходящего разумом всех придворных, правдолюбивого, во обхождениях ко всем ласкового, приятного и <...> в воинских и гражданских советах полезного и наивернейшего, коим весь народ был доволен» (там же. С. 152). Более вероятно, что здесь возымела первенство специфическая творческая логика компилятора, диктующая при каждом удобном и подходящем случае использовать вырванные из прочитанного отрывки, не особенно заботясь о внутренних смысловых и художественных связях создаваемого на такой основе текста. Красивая риторика и впечатляющий образ властелина преисподней, несущегося на колеснице в «густой мрачности», привлекли внимание Новикова в каком-то из прошедших через его руки произведений, и он нашел применение этим фрагментам там, где они как-то подошли по содержанию и где их позволял использовать жанр (в шутивном или сатирическом рассказе подобные мотивировки вряд ли были бы уместны). Впрочем, это пока остается лишь предположением; окончательный вывод сейчас еще невозможен.

Итак, сплошь и рядом в «повестях и сказках» Новикова встречаются фрагменты, ситуации, мотивы, сюжеты и другие элементы содержания и композиции, находящие прямые соответствия, аналогии, подобия и параллели в произведениях западноевропейской литературы, которые он мог читать лишь на иностранном языке по причине отсутствия в то время их русских переводов, и печатных, и рукописных. Вместе с тем наличие на русском языке в печатном или рукописном обращении произведения, с которым тот или иной рассказ, «принадлежащий к „Похождению Ивана гостиного сына“», имеет общий сюжет или мотивы, не исключает того, что параллельно с русским текстом Новиков знал также иностранный или даже что ему был известен и послужил основой только последний. Использование русского текста, подтверждаемое неоспоримо лексическими и фразовыми совпадениями, могло сочетаться с равноправным вовлечением в компиляцию иностранного источника. Получившиеся таким образом контаминации осложнялись употреблением маскировочных приемов трансформации заимствуемого текста и активным, повсеместным *творческим* вмешательством Новикова на всех уровнях — от изменения лексики и перестройки фразы до различных дополнений и вставок, а также сюжетных новаций. Осуществлявшаяся им переработка, подчас очень глубокая и многослойная, в одних случаях распознаваема, как например в начальных строках рассказа «О женившемся помещике и о тороватой